

Stella, F. (2014) *Issledovanie zhizni lesbiianok v sovetskii period: pokolencheskii podkhod*. In: Kondakov, A.A. (ed.) *Na pereput'e. Metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir issledovaniy*. Tsentr Nezavisimyykh Sotsiologicheskikh Issledovaniy / Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, pp. 231-248. ISBN 9785919184263

Copyright © 2014 The Author

<http://eprints.gla.ac.uk/96411/>

Deposited on: 29 August 2014

Enlighten – Research publications by members of the University of Glasgow
<http://eprints.gla.ac.uk>

Stella, F. 'Issledovanie zhizni lesbiianok v sovetskii period: pokolencheskii podkhod', in Kondakov, A. (ed.) *Na pereput'e. Metodologiya, teoriia i praktika LGBT i kvir issledovaniil* (Saint Petersburg: Tsentr Nezavisimykh Sotsiologicheskikh Issledovaniil), 231-248.

Исследование жизни лесбиянок в советский период: поколенческий подход

*Франческа Стелла**

* LKAS Research Fellow, School of Social and Political Sciences, University of Glasgow (Великобритания). Адрес для связи : francesca.stella@glasgow.ac.uk.

Этот текст дополняет эмпирические исследования по изучению гомосексуальности в советский период, проведенные как российскими, так и иностранными исследователями (Healey 1993, 2001; Engelstein 1995; Ротиков 1998; Жук 1998; Роткирх 2002). Фокус на советское прошлое может показаться неуместным в настоящее время, когда отмечается возрастание институциональной гомофобии, когда текущие проблемы кажутся более неотложными и важными. Однако исследование советского прошлого может поставить под сомнение часто встречающееся в политических и медийных дискурсах представление о гомосексуальности как о нетрадиционной сексуальной ориентации и об однополых отношениях как о новом постсоветском явлении или стиле жизни, импортированном с Запада и не имеющим ничего общего с русскими традициями.

Вторая причина, по которой важно обратиться к советскому прошлому, заключается в том, что существующая литература изображает сексуальность и сексуальную культуру в России радикально отличающимися от западных. Российская исключительность по отношению к Западу всегда виделась укорененной в советском «тоталитаризме», что особенно заметно в работах иностранных исследователей 1990-х годов. Например, Лори Эссиг (Essig 1999) утверждала, что основания сексуальности в России более гибкие, подвижные и многовариантные, чем западные, и не основываются на бинарном разделении сексуальности на гетеросексуальность и гомосексуальность. В подтверждение своего аргумента Эссиг ссылается на широкое распространение бисексуальных и трансгендерных практик в московских гомосексуальных сообществах, которые она изучала в начале 1990-х годов. Она также отмечает широкое использование в России таких эвфемизмов и двусмысленных терминов, как «голубой», «розовая», «тема», «наши» (Essig 1999: x-ix; 197), потенциально более подвижных категорий, чем «gay» и «straight».

Этот текст показывает, что исследование, основанное на биографических интервью, может дать более точную оценку советского прошлого и сломать поляризованные, эссенциалистские представления о западной и российской сексуальности. Доклад исследует жиз-

ненный опыт женщин, имевших однополые отношения в советский период, через анализ нарративных (повествовательных) биографических интервью с 24 женщинами, рожденными в промежутке между 1946 и 1969 годами. Эти интервью были собраны в 2004–2005 и 2010 годах для двух отдельных исследований: этнографического исследования об идентичности и повседневных практиках раскрытия/сокрытия гомосексуальности негетеросексуальными женщинами в современной России (Stella 2010, 2012, 2014; Стелла 2008), которое обнаружило значительные поколенческие различия, и дополнительного исследования, сфокусированного на женщинах, которые были социализированы и/или находились в однополых отношениях в поздний советский период (Stella 2013, 2014).

Существующая литература по советскому периоду в основном сосредоточена на социально-правовом контроле однополый сексуальности посредством законов и медицины (Healey 1993, 2001; Engelstein 1995; Essig 1999; Жук 1998; Kuntsman 2009) или на таких средах, как лагерь и клиники. При всей своей важности эта литература предлагает только предварительные и частичные ответы на многие вопросы о жизни советских негетеросексуалов и оставляет без ответа многие важные сюжеты: например, как они жили в «обыкновенном» контексте, т. е. вне стен клиник и тюрем, в условиях реального социализма? Что делало их жизнь такой невидимой? Как они строили отношения? Данный текст переносит фокус из социально-правового контроля однополый сексуальности к повседневным механизмам надзора и унижения, посредством которых однополые связи между женщинами делались невидимыми. Кроме того, текст рассматривает женщин как агентов, т. е. как социальных субъектов, над которыми осуществляется социальный контроль и которые одновременно были наделены определенной степенью свободы выбора для развития жизненных стратегий, налаживания отношений и личной жизни.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Биографические методы связаны с исследованием взаимодействия между индивидуальной биографией, историей и «теми точками социальных структур, в которых биография пересекается с историей» (Mills 1970: 247). Существует множество эмпирических работ в рамках исследования ЛГБТ и гомосексуальности (сексуальных практик, субъективностей), в рамках поколенческого подхода (Kennedy et al. 1993; Plummer 1995; Stein 1997; Rosenfeld 2002, 2009). Эти работы демонстрируют, что биографические данные (например, интервью) — это не просто рассказ о частной жизни негетеросексуалов, так как их нарративы сформированы идеями и ценностями исторического периода, которому они посвящены, а жизненный опыт и исторический контекст, в котором они выросли, влияет на их субъективность и в зрелом возрасте.

Для исследования взаимодействия дискурсов, нарративов идентичности (например, нарратива *камин-аута*) и изменяющихся субъективностей в поколенческих исследованиях сексуальности используется понятие поколенческих когорт (Rosenfeld 2002, 2009; Stein 1997; Hammack, Cohler 2009; Plummer 1995, 2010). Когорты могут определяться через со-

вместный опыт переживания переломных событий жизни (например, Второй мировой войны) и генерируют общие коллективные воспоминания. Понятие возрастных когорт широко использовалось в работах о поколенческой сексуальности для исследования взаимосвязи между изменяющимися дискурсами о сексуальности (например, сексуальная революция 1960-х годов) и способами, которыми сексуальные желания и субъективности артикулировались в биографических нарративах (Haavio-Mannila et al. 2002; Rotkirch 2004; Plummer 2010).

В тексте анализируются нарративно-биографические интервью с женщинами, принадлежащими к «последнему советскому поколению» (Yurchak 2006), т. е. рожденными между началом 1950-х и началом 1970-х годов и взрослевшими между 1970-ми и серединой 1980-х годов, в так называемый позднесоветский период или поздний социализм.

В существующей литературе показано, что опыт этой поколенческой когорты заметно отличается от опыта женщин поколения переходного периода, которые выросли во время перестройки Горбачева (1987–1991) или после распада Советского Союза и заката социализма (Yurchak 2006; Bertaux et al. 2004; Humphrey et al. 2003).

Исследование поколенческой сексуальности поднимает ряд концептуальных вопросов. Последние эмпирические и теоретические работы подчеркивают чрезмерный акцент на самопровозглашенных или приписываемых сексуальных идентичностях (критический взгляд выражают: Hearshy 2007; King, Cronin 2010; см. также: Kulick 2000).

Примером приоритета, отдаваемого сексуальным идентичностям, является работа, посвященная пожилым геям и лесбиянкам в США (Rosenfeld 2002, 2009). Розенфельд считает, что рост движения за гей-освобождение (*Gay Liberation*) и лесбийского феминизма в конце 1960-х годов оказался основным дискурсивным сдвигом, повлиявшим на принятие гомосексуальности как позитивной социальной идентичности. Акцент на появлении правозащитного движения за гей-освобождение и лесбийского феминизма, а также других «новых» социальных движений, ставших поколенческим водоразделом в идентификации этих групп, характерен для значительной части американской и британской литературы о поколенческой сексуальности. Однако эта точка отчета не подходит для исследования советского общества, где не возникли ни правозащитное ЛГБТ-движение, ни вторая волна феминизма. Более того, очень часто в литературе, посвященной пожилым негетеросексуалам, сексуальность сведена к самопровозглашенным или приписываемым идентичностям. Таким образом, менее очевидна крепкая связь между регулированием гендерно дифференцированных сексуальностей («гетеросексуальная матрица» (Butler 1990)) и социальным конструированием нормативной феминности (или маскулинности). Конструкция нормативной феминности формируется через социальные институты, такие как брак и нуклеарная семья (Rich 1980; McKinnon 1992; Jackson 1999), поэтому темой статьи являются не только субъективности и самоидентификация женщин, но и их интимные практики, то, как гендерный контракт советской работающей матери структурировал их желания и сексуальные и романтические связи (Aswhin 2000; Здравомыслова, Темкина 2002).

Что касается критики широко распространенной заикленности ученых на идентичностях, Кинг и Кронин (King, Cronin 2010) отстаивают важность использования квир-теории для изучения жизни

пожилых негетеросексуалов. Этот подход ставит под сомнение представление о сексуальной идентичности как о чем-то неизменном, устойчивом и бинарном. Сексуальные субъективности изменяются в течение жизни, не только в детстве и юности, но и в зрелом возрасте. В своей работе, посвященной пожилым геям и лесбиянкам из Лос-Анджелеса, Розенфельд (Rosenfeld 2002) отмечает изменение идентификаций и концептуализирует их как «карьеру идентичности». Таким образом, самоидентификация меняется не только из-за изменяющихся социальных обстоятельств, но и с возрастом, как полагает Розенфельд. Такой подход основывается на бинарных понятиях гетеросексуальности и гомосексуальности, но игнорирует изменчивость сексуальных желаний и идентификаций; бисексуальность понимается лишь как переходный период в процессе достижения половой зрелости или как первый шаг к самоидентификации в качестве гея или лесбиянки (Rust 1993, 2000). Данное обстоятельство подкрепляется предположением о том, что формирование сексуальной идентичности — это процесс, имеющий место в начале жизни и ведущий к стабильной сексуальной идентичности в зрелом возрасте. Это предположение часто приводило исследователей к интерпретации опыта гетеросексуальных связей гомосексуалов (например, брак и родительство) как попыток соответствовать нормам гетеросексуальности или как случаев «ложного сознания» и «двойной жизни», этапа на пути к развитию «аутентичной» стабильной гей- или лесбийской идентичности (Hammack, Cohler 2009; Rosenfeld 2002, 2009). Утверждалось, что «двойная жизнь» в западных обществах, когда однополые отношения существовали тайно и параллельно с формированием гетеронормативных отношений и семейных связей, больше свойственна для пожилых негетеросексуалов, для поколений, живших до появления правозащитного движения геев (Seidman 2004; King, Cronin 2010); постепенная «нормализация» однополых отношений делала опыт «двойной» жизни и гетеросексуальный опыт все менее и менее привычными для молодого поколения. Тем не менее недавние исследования, проведенные в Великобритании, показывают, что есть люди, которые «обретают» негетеросексуальную идентичность в более поздний период жизни или практикуют бисексуальность в течение всей жизни (Cronin, King 2010; Taylor 2009); до определенной степени этот опыт разделяет поколенческие когорты. Это важно отметить, потому что в некоторых работах о гомосексуальности в российском обществе акцентируется внимание на сосуществовании однополых практик и гетеросексуальных отношений или брака как на свидетельствах особенного понимания сексуальности в России, т. е. в России существуют более гибкие и подвижные сексуальности, которые сильно отличаются от западных концептов, где сексуальные практики однозначно понимаются либо как гомосексуальность, либо как гетеросексуальность (Tuller 1996; Essig 1999). На мой взгляд, поляризации между Россией и Западом уделяется слишком много внимания, а осмысление жизненного опыта однополых отношений в специфических социо-исторических рамках может опровергать российскую исключительность по сравнению с Западом. Фокусирование на том, как женщины соотносят свои сексуальные желания и стремления с нормативным давлением общества, помогает лучше понять сложность жизненного опыта и субъективностей, не списывая при этом со счетов опыт гетеросексуальных отношений и родительства как

лишь «ложное сознание».

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Существующий корпус эмпирических исследований в основном сфокусирован на механизмах регуляции однополого желания посредством «экспертного контроля» медиков и юристов (исключения рассматриваются в: Роткирх 2002). Большая часть работ, базирующихся на фукианском подходе, сосредоточена на исследовании того, как модусы биовласти, транслируемые правом, медициной и образованием и являющиеся, по мысли Фуко, основной чертой современных либеральных капиталистических обществ (Foucault 1978), были артикулированы в условиях государственного социализма в Советской России (Healey 2001). Существующие исследования в основном базируются на таких архивных и документальных источниках, как полицейские протоколы, судебные материалы, медицинская литература и воспоминания заключенных ГУЛАГа. Таким образом, точка зрения профессионалов или показания в суде оказываются в более привилегированном положении, чем свидетельства самих негетеросексуалов, а самой значимой и наиболее изученной становится обстановка клиники или исправительного лагеря, куда советская власть символически заточала гомосексуальность. Данный текст переносит фокус на жизненный опыт негетеросексуальных женщин, к повседневным механизмам надзора вне контекста лагеря и клиники.

Первый вывод исследования касается патологизации гомосексуальности как механизма социального контроля в повседневных практиках и на символическом уровне. В литературе описаны случаи, когда женщины подвергались принудительному психиатрическому лечению из-за их сексуальности (Healey 2001; Gessen 1994; Essig 1999). Тем не менее никто из тех, кого я интервьюировала, не рассказывал о том, что их пытались излечить от гомосексуального влечения. Никто из них не подвергался принудительному психиатрическому лечению из-за сексуальности, хотя, впрочем, были случаи, когда женщины, проходя лечение по другим причинам, ставили медиков в известность о своем влечении к женщинам. Люба (Москва, 1962 г. р.) в 1987 году, во время депрессии, искала помощи у психиатра, которому призналась, что она отвергнута любимой женщиной. В результате Люба была направлена к сексопатологу, который, впрочем, не пытался никак излечить ее от влечения к женщинам, хотя и предположил возможность «переучиться на гетеросексуалку»:

Это сразу после института уже почувствовала, что уже я не в силах сдерживать... Информации ж никакой не было в Советском Союзе. Я пошла к психиатру, она направила к сексопатологу, и эти дуры, прости меня, вместо того чтобы успокоить человека, сказать: «А что такого! Десять процентов в мире были, есть и будут, ничего страшного в этом нет», — эти дуры меня расспрашивали бог знает о чем, говорили, смотрите на мужчин, едете в метро, смотрите на мужчин. Я им сказала, что я бы к ним не обратилась, если б я на них смотрела. В том-то и беда. Я так и уехала домой, уволилась и уехала к родителям. <...> Это при Институте психиатрии есть лаборатория сексопсихопатологии. Уж кому, как не им, прежде чем говорить такие вещи, как смотрите на мужчин и влюбляйтесь в них... За что вы получаете деньги свои кандидатские? <...> «Смотрите на мужчин» — до того,

как я уехала к родителям. Но когда я приехала, я опять же понимала, что я в глубокой депрессии и опять к ним обратилась. И опять-таки никакой информации. Тогда я пошла просто в научную библиотеку. (Любовь, Москва, р. 1962)

Направление Любы к сексопатологу и попытка «переучить» пациента ясно дают нам понять, что гомосексуальное влечение рассматривалось медиками как ненормальное и патологическое. Тем не менее не было предпринято никаких попыток насильственно «излечить» Любу от ее гомосексуальности. Опыт другой интервьюируемой, Софии (Санкт-Петербург, 1953 г. р.), также позволяет предположить, что психиатрическое лечение не было повсеместно распространенной медицинской практикой.

Несомненно, медицина с ее авторитетом объективной науки играла ключевую роль в определении гомосексуального влечения как ненормального и извращенного, однако интервью показывают, что давление, которое заставляло женщин соответствовать гетеронормативности, было неразрывно связано с самим процессом гендерной социализации и проявлялось в самых обычных ситуациях (в семье, в школе и т. д.). Более того, наказывать (как символически, так и буквально) за участие в «извращенных» сексуальных практиках могли не только медицинские учреждения, но и другие социальные институты, как в случае с Юлией, которая подростком приехала в Санкт-Петербург из Татарстана, чтобы освоить профессию плиточника-мозаичника. В 20 лет она была застигнута в момент близости с другой девушкой в комнате в своем рабочем общежитии на окраине Санкт-Петербурга. Это стало основанием для предания их товарищескому суду.

Юл я: Потому что было такое, что я жила в общежитии, так называемый комендант общежития есть. Знаешь, что это такое, да? Ну, скажем, если в гостинице, это администратор.

Ф р а н ч е с к а: Ага.

Юл я: Да? То есть который может зайти в номер, ну, сейчас-то, наверное, нет, в какое-то время зайти в номер там, потребовать тишину там или еще чего-то, да? Вот. Вот так называемый комендант общежития, который мог войти в комнату и даже не постучаться, чтобы там что-то сказать, например, «тихо» там сказать и так далее. Вот. Нас застали... Застали с девушкой, вот, и был даже товарищеский суд. (Смеется.)

Ф р а н ч е с к а: Был даже?..

Юл я: Товарищеский суд. Что такое товарищеский суд? Блин, тут Кира [ее подруга] в помощь нужна. (Смеются.) Раньше на производстве, то есть есть суд криминальный, а на производстве был товарищеский суд, то есть собирался коллектив, который говорил, что вот этот человек сделал то-то, и его товарищи осуждали, то есть его лишали, например, там премии, зарплаты или там каких-то путевок и так далее и плюс, ну, как бы очень любимый вариант был бойкотировать. Бойкотировать — это не разговаривать с виновным человеком какое-то время, да, то есть игнорировать его. Вот. Поэтому был товарищеский суд, где нас с подругой игнорировали. Вот, и сказали, что это пойдет дальше, в комсомольскую организацию, если мы не прекратим заниматься ерундой. (Смеется.)

Ф р а н ч е с к а: Ерундой?

Юл я: Да, то есть это считалось плохим поведением.

Ф р а н ч е с к а: Как вы тогда чувствовали, когда это стало известно всем, что вы?..

Юл я: Это было да, это стало известно всем, но опять-таки слово

«лесбиянка» тогда не произносилось, это произносилось вот действительно, это плохое поведение.

К и р а (*подруга Юли*): Моральное разложение.

Юл я: Да, вот, я думаю, как же правильно, Кира, это да, да, моральное разложение. Истинные комсомолки так не делают. Вот, итог был такой, что мне, в общем-то, нет, ну, понятно дело, я не могу сказать, что мне было все равно, нет, конечно, было очень тяжело и работать тяжело с теми людьми, которые тебя игнорируют, и так далее. Но самое страшное — другое, что я рассталась с этой девушкой тут же практически после товарищеского суда. Почему? Потому что для нее это был удар. Если у меня все-таки были те друзья, которые на виду для начальства как бы делали одно, а когда мы уже были вне работы, со мной нормально общались. То у нее подруги были другие, и, короче, вот так получилось, что она очень испугалась. Во-первых, у нас же женщин не судили за это, ну, то есть статьи-то не было, статья была для мужчин как бы. Но она очень испугалась, испугалась, что она может попасть за это в тюрьму и так далее и тому подобное. (Юлия, Санкт-Петербург, р. 1966)

Товарищеские суды дополняли государственные судебные органы и занимались в основном небольшими провинностями, заседали в них члены трудовых коллективов, выбранные на эту роль вдобавок к своим основным профессиональным обязанностям. Они выполняли не карательную, а, скорее, наставительную и морально контролирующую функцию. Решать вопросы личных взаимоотношений не было главной задачей таких судов, но в данном случае поступок подпадал под определение «антиобщественное поведение, не влекущее за собой уголовной ответственности» и шел вразрез с принятыми социальными нормами. К тому же в реальности товарищеские суды часто рассматривали дела, связанные с моралью и сексуальностью, такие как супружеская неверность или половая распущенность (Bergman, Spindler 1963: 842–43; Gorlizki 1998). Юлию и ее девушку обвинили в моральном разложении, недостойном комсомолки. Причиной для созыва суда послужило в большей степени нарушение моральных норм, чем сексуальные отклонения. Как поясняет Юлия, само слово «лесбиянка» ни разу не было произнесено во время процесса, патологичность гомосексуальности не была упомянута. Тем не менее наказание публичным осуждением, несомненно, использовалось, для того чтобы заставить этих двух молодых женщин соответствовать гетеронорме и выражать свою сексуальность приемлемым образом. Именно этот результат и был достигнут: выставление на всеобщее обозрение личной жизни и последовавший за этим бойкот привели к тому, что подруга Юлии не выдержала давления и разорвала их отношения. История Юлии также показывает, что за соблюдением моральных норм следили не только официальные представители государства, такие как медики, но и члены товарищеских судов, комсомольские активисты. Суд над Юлией и последовавшее за ним наказание потребовали участия ее товарищей по работе и даже ее матери, которая была извещена о проступке дочери письмом, содержащим в том числе и просьбу повлиять на ее поведение. В то время как существующие исследования в основном подчеркивают роль советских институтов, таких как карательная психиатрия и юридическая система, в регулировании сексуальных и гендерных отклонений, исследование жизненного опыта женщин вне контекста клиники или тюрьмы выводит на первый план гораздо более обыден-

ные и неявные дисциплинарные механизмы, работающие в приватной сфере. Общепринятое советское понимание брака и нуклеарной семьи самым фундаментальным образом формировало интимные практики женщин и способы, которыми они строили однополые отношения. Тезис Хили (Healey 2001) о важности советского гендерного порядка в формировании лесбийского опыта в условиях реально существующего социализма я рассматриваю как вариант «обязательной гетеросексуальности» (Rich 1980), т. е. развитие главенствующего дискурса, поддерживающего гетеросексуальную романтику, брак и нуклеарную семью в качестве естественных и нормальных. Это, в свою очередь, приводит к делегитимации однополых отношений и делает их «невидимыми» (см. также: Роткирх 2002: 455).

Интервью позволяют обнаружить общее в опыте женщин «последнего советского поколения» и в стратегиях, которые они использовали, чтобы строить свои отношения. Лесбийские связи, в которых одна или обе партнерши были замужем или состояли в гетеросексуальных отношениях, были обычным делом. Упоминания о браке и материнстве как неизбежности, как маркерах «приличной» женщины часто встречаются в историях участниц исследования независимо от того, стали ли они сами женами и матерями. Среди пожилых женщин, принявших участие в моем исследовании, действительно многие, хотя и не все, располагали опытом супружества и материнства, что контрастирует с историями более молодых женщин, которые подтверждаются и другими исследованиями (например: Essig 1999; Роткирх 2002). Это вполне отражает важность брака и гетеросексуальной нуклеарной семьи для советского гендерного порядка и доминирование брака над другими формами партнерства и сожительства в Советской России (Ashwin 2000; Казьмина, Пушкарева 2004: 211–213).

Пожилые женщины часто противопоставляют свое лесбийское настоящее и гетеросексуальное прошлое, когда гомосексуальное влечение приходилось скрывать за фасадом «нормальной» гетеросексуальной семьи или не артикулировать как лесбийское (Essig 1999; Роткирх 2002; Tuller 1996). Такое количество браков и гетеросексуального опыта среди советских лесбиянок было бы слишком легко интерпретировать как проявление ложного сознания, двойной жизни и уступку доминирующей модели феминности. Но сам материал, воспоминания женщин, сопротивляется такой прямолинейной интерпретации, демонстрируя, напротив, что их повседневные практики «бросали вызов давлению гетеронормативности, даже если не подрывали или отвергали его напрямую» (Engebretsen 2009: 3). Гетеросексуальные браки часто были непродолжительны и иногда заключались по вполне прагматическим причинам — ради жилья или прописки. Порой мотивы были сложнее и варьировали от желания иметь детей до настоящей эмоциональной привязанности к мужу, особенно среди женщин, которые первоначально считали себя гетеросексуальными. Они рассказывали о своих гетеросексуальных отношениях как о важных, основанных на искреннем влечении и любви. Сознвая гомосексуальную направленность своего влечения, эти женщины до определенной степени переосмысливали самый смысл гетеросексуального брака и/или материнства. Например, Катя вспоминала о своем браке как о выборе, сделанном для того, чтобы остепениться и завести ребенка. Как и другие женщи-

ны с опытом замужества, она говорила о нем как о неизбежной жизненной стадии на пути взросления. Впрочем, она подчеркивала, что специально искала партнера, который мог бы стать хорошим мужем и отцом. После развода Катя сохранила хорошие отношения с отцом своей дочери, который, что удивительно, был осведомлен о ее лесбийских наклонностях с самого начала, хотя и не видел в них проблемы. Во время замужества Катя продолжала встречаться с женщинами, однако ответственность перед семьей стояла для нее на первом месте, и ее связи не пересекались с ее семейным кругом. Только после того, как ее дочь стала жить отдельно, а мать умерла, Катя стала активнее реализовывать свои романтические интересы.

К а т я: Да, я очень серьезно влюбилась в преподавательницу, чуть не сделала себе хакари, крыша у меня съехала окончательно, чуть не бросила институт, ревновала ее и подумала, что надо как-то жизнь устраивать. Мой первый жених погиб, он был режиссер, очень хороший человек. Я с трудом представляла себе супружескую жизнь с ним, но он был очень хороший человек. Он поехал подзаработать денег на свадьбу и все остальное на Урал, и у него там прорвалась язва. Потом я сказала, что мне, мол, все равно и выйду за первого встречного. Я просто хотела ребенка. Я, конечно, просто храбрилась, говоря, что выйду за любого. Человека я выбрала себе подходящего, перспективного. Подходящего, я имею в виду, по уровню интересов. А перспективного в том смысле, что он не будет сидеть у телевизора, а будет к чему-то стремиться в жизни. Так все и вышло. И от мужа я особенно и не скрывала свои увлечения, но он нормально к этому относился.

Ф р а н ч е с к а: То есть он с самого начала все знал?

К а т я: Да, это знали и мои ближайшие друзья. Самое смешное, что потом уже выяснилось, и муж мне сам признался, что он осознает себя геем. Но, с другой стороны, то, что он знал, — это неплохо. По крайней мере есть ясность в отношениях. (Катя, Москва, р. 1956)

Некоторые женщины сознательно шли на рождение внебрачных детей, чтобы избежать уз гетеросексуального супружества. Например, Юлия, имевшая отношения в основном с женщинами, поняла, что хочет ребенка, когда ей было около 25 лет; Юлия забеременела от своего друга, пообещав ему, что не станет привлекать его к воспитанию сына.

А с мужчинами как раз таки... в общем-то, я умела дружить с мужчинами, и они со мной на самом деле. Поэтому я поговорила с другом и сказала, что я хочу ребенка. Вот. А он, в общем-то... А у нас была словесная договоренность: «Если ты, говорит, не будешь на меня его вешать, ну, то есть мы договоримся. То есть меня нет и никогда не будет. А у него там свое плавание... В плавание уходил... Это... свои планы были и так далее, он хотел уехать за границу и не вернуться, он служил на флоте, в торговом флоте, вот, и поэтому ему не нужна была никакая обуза, вот. Я пообещала, что никогда его не буду этим шантажировать. Вот. Мы договорились, и я родила. (*Смеется.*) (Юлия, Санкт-Петербург, р. 1966)

Еще одной, хотя и не главной, причиной для заключения брака, по словам участниц исследования, было то, что статус матерей, жен, вдов или разведенных служил защитой от подозрений в их сексуальной извращенности и помогал скрывать их гомосексуальные отношения

под маской дружеских. Невидимость однополых отношений, впрочем, была не только результатом стремления женщин соответствовать представлению об уважаемой, приличной женщине. Судя по интервью, совместная жизнь двух женщин была чрезвычайно редким явлением в советский период и часто даже не рассматривалась как опция. Тамара объясняет:

Но я знаю, что потом у нее (у ее первой женщины) была еще одна женщина, а потом она вышла замуж и родила 3 детей. Мы недавно с ней встретились случайно, у нее уже внуки, несколько мужей. В общем, она не жила уже практически гомосексуальной жизнью, она жила жизнью гетеросексуальной после нашего разрыва. И в те советские времена большинство женщин, с которыми мне приходилось встречаться, они потом выходили замуж и жили гетеросексуальной жизнью, т. е. гомосексуальные союзы были бесперспективны. Двум женщинам, ну, можно было, конечно, жить как-то вместе, тогда же были очень большие проблемы с жильем, трудно было объяснить родителям, почему дома часто живет и ночует эта подруга. Не куда было деваться, лесбийским парам негде было просто жить. (Тамара, Москва, р. 1952)

В политэкономической ситуации государственного социализма советские люди имели крайне ограниченное влияние на свои жилищные условия: практически весь жилищный фонд принадлежал государству и распределялся между гражданами городскими властями или через предприятия, на которых они работали. Постоянная нехватка жилья усугублялась тем, что при получении жилья преимущество имели семьи с детьми, а незамужние или матери-одиночки должны были жить со своими родителями, в коммуналках или общежитиях (Attwood 2010; Di Maio 1974). Сама Тамара, мать-одиночка с четырьмя детьми, имевшая отношения преимущественно с женщинами, жила со своей матерью, пока та не умерла. Таким образом, в советский период просто найти место, чтобы жить вместе с женщиной, было не так просто, и часто это место было временным или ненадежным, как, например, комната в рабочем или студенческом общежитии или в коммуналке. Чем значительнее символический и материальный капитал, которым располагает нуклеарная семья, брак и материнство как важнейшие этапы жизни женщины, тем серьезнее препятствия для существования продолжительных однополых отношений. Женщины, которые, как Тамара, имели отношения преимущественно с женщинами, рассказывают о том, что они в основном встречались с гетеросексуальными женщинами, которые при этом могли быть замужем или состоять в отношениях с мужчиной.

В то же время опыт и ожидания женщин в однополых отношениях были сформированы гетеронормативными представлениями о родительстве и об отношениях внутри пары. Отсутствие долгосрочной перспективы совместной жизни с женщиной и возможности завести «нормальную» семью способствовали восприятию однополых отношений как нежизнеспособных. В воспоминаниях женщин о советском прошлом однополые отношения проигрывали в сравнении гетеросексуальными, которые обещали больше возможностей остепениться и получить одобрение общества, демонстрируя главные маркеры взрослой порядочной феминности: покидание родительского дома, выход замуж и формирование семьи. Именно таким образом закончились

отношения у Аглаи (Санкт-Петербург, 1957 г. р.) с ее первой девушкой, которая в 20 с небольшим решила выйти замуж. Аглая поняла и поддержала это решение, потому что, как она объяснила, «с мужчиной ты можешь завести семью». Схожим образом никогда не бывавшие замужем бездетные женщины чувствовали, что причина их социальной маргинализации не только в патологизации однополых отношений, но и, что может быть даже более важно, в их несоответствии стандартам нормативной женственности в глазах общества. Понимание того, что брак и материнство несовместимы с их влечением к женщинам, переживалось многими женщинами как потеря.

Таким образом, определенная конфигурация обязательной гетеросексуальности, прописанная в гендерном контракте работающей матери и включающая в себя господствующие практики, одобряющие гетеросексуальные романтические отношения, брак и нуклеарную семью, делала однополые отношения в советской России одновременно невидимыми и нежизнеспособными. Анализ интимных практик женщин «последнего советского поколения» показывает, что представление о браке и материнстве, как важнейших характеристиках взрослой женщины, самым фундаментальным образом формировало их субъективность и стратегию отношений.

Наконец, женщины «последнего советского поколения» реализовывали гомосексуальное влечение и строили отношения не внутри лесбийского круга общения, а в более широком социальном контексте, где однополые отношения были одновременно стигматизированы и невидимы. Это касалось большинства женщин, пока в конце 80-х — начале 90-х годов цензура не ослабла и не стали появляться первые статьи, посвященные гомосексуальности, а также частные объявления соответствующей тематики. С помощью информации, найденной в прессе и позже в Интернете, участницы исследования начали социализироваться в лесбийских средах или формировать свой собственный круг общения, который включал в себя негетеросексуальных женщин. За единственным исключением (Лиза (Ульяновск) в юности жила в Санкт-Петербурге), никто из проинтервьюированных женщин не принадлежал к лесбийской тусовке в советский период. Говоря о своем прошлом, они скорее определяли себя через семейное положение (замужняя/одинокая, мать/бездетная), чем через романтические или сексуальные отношения с другими женщинами. Так, Александра, как и многие другие, связывала нежелание идентифицировать себя в соответствии со своими сексуальными практиками с испытываемой ею изоляцией и отсутствием контактов с другими негетеросексуалами.

А л е к с а н д р а: Познакомились, понравились друг другу. Потом начали общаться. Потом, как обычно это происходит, люди оказываются вместе в постели. Нам не пришлось переступать какой-то барьер. Это было естественно. Хотя мы не говорили о том, что мы стали лесбиянками. У нее до этого фактически не было любовных связей с женщинами. Она меня немного старше. Она тоже жила сексуальной жизнью, была гетеросексуальной. Вообще мне всегда нравились гетеросексуальные женщины. <...> Никаких мест не было. На протяжении нескольких лет наше окружение все было гетеросексуальное. По воле случая потом мы познакомились с несколькими геями. Они стали вхожи к нам в дом. Стали дружить. И постепенно они вытеснили как-то... Ну, мы чувствовали себя в их обществе более раскованно. <...>

Франческа: Вы определяете себя как лесбиянку?

Александра: Вы знаете, любые этикетки, названия мне не нравятся вообще. Конечно, мы не можем без них обойтись. Лесбиянка, гей, гомосексуал, гетеросексуал ... Мне кажется, что человеческая натура гораздо богаче и больше этого. Загонять человека в какие-то рамки и сложно, и неправильно. Но для общения в гомосексуальной и в гетеросексуальной среде это принято. Все общество поделено на какие-то группы, классы, подклассы, культуры, подкультуры. От этого мы никуда не денемся. Поэтому мы должны как-то позиционировать. Вынужденно. (Александра, Москва, р. 1946)

Это можно интерпретировать как относительность представления о сексуальной идентичности, которая подпитывается внутри сообщества и общего нарратива, что отражает вовлеченность женщин не только в определенные сексуальные, но и в социокультурные практики (Plummer 1995).

Перевод с английского: Наталья Халымончик и Светлана Поселенцева

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Жук 1998 — Жук О. *Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России XX века*. М.: Глагол, 1998.
- Здравомыслова, Темкина 2002 — *В поисках сексуальности* / Ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
- Казьмина, Пушкарева 2004 — Казьмина О., Пушкарева Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // *Семейные узы* / Ред. С. Ушакин. М.: НЛЮ, 2004. С. 185–218.
- Ротиков 1998 — Ротиков К. К. *Другой Петербург*. СПб.: Лига Плюс, 1998.
- Роткирх 2002 — Роткирх А. Любовь с словами и без слов: опыт лесбийских отношений в позднесоветский период // *В поисках сексуальности* / Ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 452–468.
- Стелла 2008 — Стелла Ф. Гомофобия начинается дома // *Остров*. 2008. Сентябрь. С. 12–17.
- Ashwin 2000 — *Gender, State and Society in Soviet and post-Soviet Russia* / Ed. S. Ashwin. London: Routledge, 2000.
- Attwood 2010 — Attwood L. *Gender and Housing in Soviet Russia: Private Life in a Public Space*. Manchester: Manchester University Press, 2010.
- Berman, Spindler 1963 — Berman H. J., Spindler J. W. Soviet Comrades' Courts // *Washington Law Review*. 1963. Vol. 38. P. 842–910.
- Bertaux et al. 2004 — *On Living through Soviet Russia* / Eds. D. Bertaux, P. Thompson, A. Rotkirch. London: Routledge, 2004.
- Butler 1990 — Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge, 1990.
- Di Maio 1974 — Di Maio J. *Soviet Urban Housing: Problems and Policies*. London: Praeger, 1974.
- Engebretsen 2009 — Engebretsen E. L. Intimate Practices Conjugal Ideals: Affective Ties and Relationship Strategies among lala (Lesbian) Women in Contemporary Beijing // *Sexuality Research and Social Policy*. 2009. Vol. 6, N 3. P. 3–14.
- Engelstein 1995 — Engelstein L. Soviet Policy towards Male Homosexuality: its Origins and Historical Roots // *Gay Men and the Sexual History of the Political Left* / Eds. G. Hekma, H. Oosterhuis, J. Steakley. Binghamton, NY: Harrington Park Press, 1995.
- Essig 1999 — Essig L. *Queer in Russia: a Story of Sex, Self, and the Other*. Durham, NC: Duke University Press, 1999.
- Gessen 1994 — Gessen M. *The Rights of Lesbians and Gay Men in the Russian Federation*. San Francisco: IGLHRC, 1994.
- Gorlizki 1998 — Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts

- in Retrospect // *American Journal of Comparative Law*. 1998. Vol. 48, N 3. P. 103–125.
- Haavio-Mannila et al. 2002 — Haavio-Mannila E., Kontula O., Rotkirch A. *Sexual Lifestyles in the Twentieth Century: A research Study*. Basingstoke: Palgrave, 2002.
- Hammack, Cohler 2009 — *The Story of Sexual Identity: Narrative Perspectives on the Gay and Lesbian Life Course* / Eds. P. L. Hammack, B. J. Cohler. Oxford: Oxford UP, 2009.
- Healey 1993 — Healey D. Russian Revolution and the Decriminalisation of Homosexuality // *Revolutionary Russia*. 1993. Vol. 6, N 1. P. 26–54.
- Healey 2001 — Healey D. *Homosexual Desire in Revolutionary Russia: the Regulation of Sexual and Gender Dissent*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Heaphy 2007 — Heaphy B. Sexualities, Gender and Ageing: Resources and Social Change // *Current Sociology*. 2007. Vol. 55, N 2. P. 193–210.
- Humphrey et al. 2003 — *Biographical Research in Eastern Europe: Altered Lives and Broken Biographies* / Eds. R. Humphrey, R. Miller, E. Zdravomyslova. Aldershot: Ashgate, 2003.
- Jackson 1999 — Jackson S. *Heterosexuality in Question*. London: Sage, 1999.
- Kennedy-Lapovsky, Davis 1993 — Kennedy-Lapovsky E., Davis M. D. *Boots of Leather, Slippers of Gold. The History of a Lesbian Community*. London: Routledge, 1993.
- King, Cronin 2010 — King A., Cronin A. Queer Methods and Queer Practices: Re-Examining the Identities of Older Lesbian, Gay, Bisexual Adults // *Queer Methods and Methodologies. Intersecting Queer Theories and Social Sciences Research* / Eds. K. Browne, C. Nash. Farnham: Ashgate, 2010.
- Kulick 2000 — Kulick D. Gay and Lesbian Language // *Annual Review of Anthropology*. 2000. Vol. 29. P. 243–285.
- Kuntsman 2009 — Kuntsman A. With a Shade of Disgust?: Affective Politics of Sexuality and Class in Memoirs of the Stalinist Gulag // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68, N 2. P. 308–328.
- McKinnon 1992 — McKinnon C. Sexuality // *Knowing Women: Feminism and Knowledge* / Eds. H. Crowley, S. Himme. Cambridge: Polity Press, 1992.
- Mills 1970 — Mills C. W. *The Sociological Imagination*. Harmondsworth: Penguin Books, 1970.
- Plummer 1995 — Plummer K. *Telling Sexual Stories: Power, Change, and Social Worlds*. New York: Routledge, 1995.
- Plummer 2010 — Plummer K. Generational Sexualities, Subterranean Traditions, and the Hauntings of the Sexual World: Some Preliminary Remarks // *Symbolic Interaction*. 2010. Vol. 33, N 2. P. 163–191.
- Rich 1980 — Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // *Signs*. Vol. 5, N 4. P. 631–660.
- Rosenfeld 2002 — Rosenfeld D. Identity Careers of Older Gay Men and Lesbians // *Ways of Aging* / Eds. J. F. Gubrium, J. Holstein. Oxford: Blackwell Publishers, 2002.
- Rosenfeld 2009 — Rosenfeld D. From Same-Sex Desire to Homosexual Identity: History, Biography, and the Production of the Sexual Self in Lesbian and Gay Elders' Narratives // *The Story of Sexual Identity: Narrative Perspectives on the Gay and Lesbian Life Course* / Eds. P. L. Hammack, B. J. Cohler. Oxford: Oxford UP, 2009.
- Rotkirch 2004 — Rotkirch A. What Kind of Sex Can You Talk About? Acquiring Sexual Knowledge in three Soviet Generations // *On Living through Soviet Russia* / Eds. D. Bertaux, P. Thompson, A. Rotkirch. London: Routledge, 2004.
- Rust 1993 — Rust P. C. 'Coming Out' in the Age of Social Constructionism: Sexual Identity Formation among Lesbian and Bisexual Women // *Gender and Society*. 1993. Vol. 7, N 1. P. 50–77.
- Rust 2000 — Rust P. C. Bisexuality: a Contemporary Paradox for Women // *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56, N 2. P. 205–221.
- Seidman 2004 — Seidman S. *Beyond the Closet: The Transformation of Gay and Lesbian Life*. London: Routledge, 2004.
- Stein 1997 — Stein A. *Sex and Sensibility: Stories of a Lesbian Generation*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997.
- Stella 2010 — Stella F. The Language of Intersectionality: Researching 'Lesbian' Identity

- in Urban Russia // *Theorizing Intersectionality and Sexuality* / Eds. Y. Taylor, S. Hines, M. Casey. Basingstoke: Palgrave, 2010. P. 212–234.
- Stella 2012 — Stella F. The Politics of in/visibility: Carving out Queer Space in Ul'yanovsk // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, N 10. P. 1822–1846.
- Stella 2013 — Stella F. Lesbian Lives and Real Existing Socialism in Late Soviet Russia // *Queer Presences and Absences* / Eds. Y. Taylor, M. Addison. Basingstoke: Palgrave, 2013.
- Stella 2014 — Stella F. *Lesbian and Bisexual Lives in Soviet and post-Soviet Russia*. Basingstoke: Palgrave, 2014 (forthcoming).
- Taylor 2009 — Taylor Y. *Gay and Lesbian Parenting: Securing Social and Educational Capital*. Basingstoke: Palgrave, 2009.
- Yurchak 2006 — Yurchak A. *Everything Was Forever, until It Was No More. The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton UP, 2006.